

- [Беседы с праведным Иоанном Кронштадтским](#)
-

Беседы с праведным Иоанном Кронштадтским

Беседы о. протоиерея Иоанна с настоятельницей Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного монастыря игуменьей Таисией

Имея счастье состоять в течение более 35 лет в самых близких духовных отношениях к незабвенному, в Бозе почившему о. протоиерею Иоанну Сергиеву (Кронштадтскому), я нередко беседовала с ним, иногда подолгу и обстоятельно, о предметах духовного, возвышенного характера. Пользуясь такими случаями, я старалась предлагать ему вопросы, относящиеся к моей лично духовной, иноческой многотрудной жизни, и, слагая в сердце своем все ответы батюшки, уединяясь вечером в своей келье, тщательно записывала, стараясь упомянуть каждое его слово. Из таких записей составила целая тетрадь. В последние годы (в точности указать год не могу) я сказала об этом батюшке, и он пожелал сам проверить записи, нашел их правильными, сделал в некоторых местах поправки, где вписал своей рукой прибавления, а затем сказал мне: «Хорошо, что ты запоминаешь мои слова. «Хвалю вас», говорит апостол, «яко слово мое помните и предания моя держите» (ср.: [1 Кор. 11:2](#)). Значит, семя падает на добрую землю и принесет плод, довольный к насыщению и других». Вот эти записи, начиная с 1891 года, т.е. с первого года, как о. Иоанн стал ездить на свою родину, в село Суру, для постройки в нем приходского каменного храма. <>

Когда батюшка обратным путем с родины по Мариинской системе вступил в реку Шексну для следования по ней до г. Рыбинска, его ожидал в г. Череповце большой пассажирский пароход, арендованный г-ми Л., приглашавшими батюшку в Рыбинск. Я накануне этого дня, 17 июля, по своему монастырскому делу прибыла в Череповец, но о предстоящем посещении его о. Иоанном ничего не знала и не помышляла. К вечеру, уже в Череповце, я узнала об этом, а поутру следующего дня стало известно, что батюшка уже приехал и находится у соборного старосты купца Крохина. Я направилась туда, едва пробираясь через огромную толпу народа, и стала убедительно просить батюшку заехать в нашу обитель, находящуюся недалеко от берега реки Шексны. Батюшка отказывался за неудобством задерживать пароход, арендованный хозяевами для доставления его к ним, а не для заездов. При этом он прибавил: «Если хочешь побеседовать, так лучше поедем с нами на пароходе и поговорим». И таким образом мы отправились. Но и тут я снова повторила ему свою просьбу, заручившись согласием на то хозяев парохода, и он согласился. На пристани (нашей монастырской) Борки мы сошли на берег и поехали в экипаже в обитель.

Первое слово батюшки, обращенное ко мне, было:

Отец Иоанн. Что ты так просила меня заехать? Вот мы с тобой виделись, побеседовали, не довольно ли?

Игуменья Таисия. Оттого-то, батюшка, я и прошу вас, что имела счастье побеседовать с вами и видеть вас. Получив это счастье для себя, я не могу не желать, чтобы и сестры мои удостоились того же. Если не употреблю для сего всех зависящих от меня мер, то это будет у меня на совести; если же сделаю все со своей стороны, но вы сами не соизволите на это, то я уже не подлежу ответу пред Богом за то, что сестры не получают сего блага.

Батюшка внимательно взглянул на меня и сказал: «Вот как ты говоришь! Ну вот мы и едем».

На пути мы начали беседовать.

Игуменья Таисия. Желала бы я, батюшка, открыть перед вами всю мою душу; я и всегда старалась это делать, чтобы вы видели ее, как внешнюю вещь, и могли указать, что ей на пользу, ибо это и есть цель моих с вами бесед. Ведь мы часто себя сами не познаем, снисходя к своим

немощам. Впрочем, я вижу, что вы человек облагодатствованный и сами видите присущим вам Духом Святым.

Отец Иоанн. Нам, пастырям, дана благодать особенная на дело спасения вверенных нам душ, а благодать сообщает и ведение по мере надобности.

И.Т. Да, батюшка, но не всем одинаково; думаю — по мере личной способности воспринять ее. Вы-то особенно облагодатствованы и духом видите собеседника; я давно замечала это.

О.И. А если замечала и понимаешь духовность в человеке, то нечего и сомневаться, а надобно верить. Это враг смущает нашу душу неверием и сомнением, чтобы не дать ей мира.

И.Т. Много приходится вам, батюшка, видеть людей, выслушивать их разнообразные нужды, грехи, недуги, и чего-чего вам не открывают, не поверяют люди!

О.И. Да, родная; многое и многих приходится выслушивать! (И батюшка тяжело вздохнул.)

И.Т. И тяжело же вам, дорогой батюшка?

О.И. Нелегко, но в том-то и заключается исполнение нами заповеди апостольской: «Мы, сильнии, должны есмы немощи немощных носить» (ср.: [Рим. 15:1](#)). Нелегка и широка эта заповедь и относится она преимущественно к нам, пастырям.

И.Т. А ведь встречаются души чистые, святые, совершенные?

О.И. Совершенство наше там (сказал батюшка, указывая на небо), и «един Свят, Господь Иисус Христос».

И.Т. Батюшка, доколе человек во плоти, он не может быть свободен от страстей и искушений и от соблазнов, которые отовсюду окружают его в мире?

О.И. Разумеется, не свободен, потому-то и надобно глубоко и неослабно внимать себе. Человек в минуты искушений подобен лежащему на весах: куда его перетянет? Враг тянет его в гибель, а ангел и сама совесть человека удерживают его. В это время следует вооружиться страхом Божиим, представив себе ужас адских мучений. Необходимо присоединить и тайную молитву сердца, ибо без помощи Божией мы не сильны бороться с искушениями.

И.Т. Когда человек внимает себе и следит за собою, то и малейшее уклонение от Бога, волею или неволею допущенное, тяготит душу и нарушает ее мирное состояние (говорю, впрочем, из собственного опыта). С потерей мира рождается тревога, смущение, теснота. О, как тяжело бывает душе и как трудно ей снова восстановиться!

О.И. Потребно немедленное тайное покаяние: «Воззовет ко Мне, и услышу его» ([Пс. 90:15](#)). Господь знает наши немощи. Он готов простить нам все, если мы каемся и просим прощения. Не надобно коснеть, т.е. останавливаться на мысли о совершенном грехе, а тотчас же каяться, памятуя милосердие Божие, тогда породится не тревога и рассеянность, а сокрушение и смирение сердца, которое «Бог не унижит» ([Пс. 50:19](#)), т.е. не презрит.

И.Т. Как сохранить в душе мир с Богом, восстановленный в ней чрез таинства, или чрез тайное покаяние, или милосердием Божиим?

О.И. Ничем так не сохранишь мир, состоящий в общении с Богом, как вниманием к себе. Вообще человек, проходящий жизнь духовную и ревнующий о спасении, должен неослабно внимать себе, т.е. замечать все движения своего сердца и ума. За ними сильно назирает враг и ищет уловить их; и когда найдет скважинку, т.е. минуту, не занятую вниманием самого домохозяина, тотчас же вторгается и сам начинает хозяйничать в его душе, и много может навредить ей.

И.Т. А как тяжело чувствует себя душа, когда, очистившись и восстановив свое общение с Богом, опять нарушит его!

О.И. На чистом и белом виднее пятнышко и самонаименьшее; так и на душе чистой, а в черном и грязном они и незаметны за общей чернотой и грязью. Опять так и выходит, что

надобно внимать себе и иметь непрестанное памятование о Боге и внутреннюю молитву.

И.Т. Да, батюшка, невольно приходишь к сознанию, как трудно человеку, особенно поставленному жизнью среди суеты, хотя бы и невинной, например начальственной, но хранящему самовнимание, устоять на этом пути.

О.И. Пожалуй и трудно, но какое же доброе дело и дается без труда? А с другой стороны, ведь в труде-то и спасение наше, ведь «Царствие Божие нудится» (ср.: [Мф. 11:12](#)), т.е. самопринуждением, силою, старанием берется, и только усиленные искатели достигают его. Потребна молитва.

И.Т. Батюшка, научите меня молиться.

О.И. Самое простое дело — молиться, а вместе и самое мудрое. Дитя малое умеет по своему молить, просить своего отца или мать о том, чего ему хочется. Мы — дети Отца Небесного; неужели детям ухищряться просить отца? Как чувствуешь, так и говори Ему свои нужды, так и открывай свое сердце. «Близ Господь всем призывающим Его во истине... и молитву их услышит» ([Пс. 144:18, 19](#)). «Еще глаголющу тебе, речет: «Се приидох!»; О, как велико милосердие Божие к нам! Но вместе и будь мудра и осторожна, береги ум от рассеянности и скитания или суетности.

И.Т. Иногда, батюшка, я действительно молюсь всем существом, точно бы я стояла пред лицом Самого Господа. Все существо мое исчезает в молитве, и сладка и горяча бывает молитва та. Но это бывает нечасто, да я и не допускаю себе иногда такого состояния, боюсь, чтобы не прельстил меня враг такую молитвою, как неискusstную, еще не могущую понести высоты ее; это дело преуспевших более меня в духовной жизни. Ведь я почти все аскетические книги перечитала, и все подвижники предостерегают новоначальных, неискusstных, таких, как я, от созерцательной молитвы; т.е. ее необходимо достигать, но с осторожностью, как высшего дара Божия.

О.И. Что же и я тебе говорю: будь мудра, осторожна, но избегать созерцательной молитвы не следует. Такая молитва есть посещение благодати Божией, ее надо усиленно просить и дорожить ею, а не избегать ни по какой причине. Враг не любит такой молитвы, вот он и пугает тебя, обманывает. Молитва усмиряет душу, вселяет в нее тишину и спокойствие.

И.Т. С принятием сана начальственного я мало молюсь, батюшка: вечером не знаешь, как до подушки добраться, так умаешься от дневных дел и забот, а утром, прежде еще чем я встану, дела встанут, и лишь отворишь дверь, то едва ли вернешься для молитвы.

О.И. Не «во многоглаголании» ([Мф. 6:7](#)) молитва и спасение. Читай хотя и немного молитв, но с сознанием и с теплотою в сердце. А главное, в течение целого дня имей память о Боге, т.е. тайную, внутреннюю молитву. Я и сам не имею времени выстаивать продолжительные монастырские службы, но везде и всегда — иду ли я, еду ли, сижу или лежу — мысль о Боге никогда не покидает меня, я молюсь Ему духом, мысленно предстою Ему и созерцаю Его пред собою. Предзрех Господа предо мною выну... да не подвижуся ([Пс. 15:8](#)); мысль о близости Его ко мне никогда не покидает меня. Старайся и ты так поступать.

И.Т. А близким к себе вы Его ощущаете, батюшка?

О.И. Да, родная, близким, весьма близким: Он всегда со мной, по слову Его: «И вселюся в них, и похожу, и буду им Бог» ([2 Кор. 6:16](#)). Иначе как бы я мог так действовать по целым дням, если бы не благодать Божия?

И.Т. Да, батюшка, трудитесь вы изумительно, вы всецело приносите себя в жертву на служение людям, забывая о себе.

О.И. Пожалуй, ты и слишком уже сказала, но действительно, я стараюсь по мере сил моих, с помощью Божиею, служить спасению душ человеческих. Я готовил себя к этому с самого начала своего священствования. Пастыри, преемники апостолов, должны жить для паствы своей,

а не для себя; мы — «соль земли: аще же соль обуюет, ним осолится» (ср.: [Мф. 5:13](#)).

И.Т. Ведь вы, батюшка, давно священствуете, а открыто явились людям не так давно?

О.И. То было время искуса. Можно ли исходить на брань, не приготовив себя и не искусившись?

И.Т. Да, нелегко вам было, батюшка, но зато теперь вы стоите выше всех искушений и страстей, а что приразилось бы к вам — сокрушится о камень веры и благодати, присущей вам.

Перекрестился батюшка и сказал, вздохнув:

О.И. Много сказать — выше всех искушений и страстей; я не бесстрастен. Но Божия благодать, «яже во мне, не тща быст» ([1 Кор. 15:10](#)), всегда подкрепляла и ободряла меня. Наши ведь — о дне немощи и грехи, а способность наша к служению — от Бога.

И.Т. Велика в вас вера, батюшка, а во мне недостаточна — поделитесь со мною.

Батюшка улыбнулся и сказал:

О.И. Бери, сколько хочешь, сколько можешь понести. Господь богат милостию.

И.Т. Вы шутите, батюшка, а я часто колеблюсь, не в вере, конечно, в Бога. О, нет! Я в Него верую всегда твердо и несомненно, а вот, например, в том, могу ли я надеяться на спасение избранным мною путем? От Бога ли было мое призвание и все видения мои, о которых вы знаете? Да и во многих других вопросах, которые мне хотелось бы проверить более духовным, обогатствованным взглядом и укрепиться верою и упованием.

О.И. Напрасно смущаешься; первое твое видение Спасителя было тебе еще в детстве, какая же прелесть могла тут быть? Он этим призвал тебя на служение Ему и дал тебе как бы залог спасения.

И.Т. Он сказал мне в конце видения: «Прежде потрудись!» Я и тружусь изо всех сил, но так ли, как Ему угодно, тружусь, и примет ли Он мои труды, приятны ли ортт Ему, — я не могу быть уверена, ведь «ин суд Божий».

О.И. Как не примет, когда уже венчал их успехом? Смотри, какой собор воздвигла ты без всяких средств и в какое короткое время; не Господь ли венчал твои труды таким успехом? А за всю-то обитель, за сестер-девственниц, которыми ты руководишь ко спасению, Господь воздаст тебе сторицею, потому что Он праведен и милостив.

И.Т. Да ведь это все внешнее, родной мой батюшка. Ну, построила я собор чужими, т.е. сборными грошами, чужими руками; да и за это меня все хвалят — ну, вот и воздаяние внешнее за внешнее. А о душе своей говоря, что я приобрела для нее в течение многолетней жизни в монастыре?

О.И. Для души, говоришь, не приобрела ничего? Об этом судить Богу Сердцеведцу. Пока мы на земле, Таисия, душа неразрывно соединена с внешностью, и труды, хотя и вещественные, подъемлемые ради Господа и во славу Его, бесспорно приемлются Им. Говоришь, «чужими грошами построила»; да своими-то легче гораздо было бы, чем путем тяжелых сборов добывать эти гроши. А что хвалят тебя за собор, то как же не хвалить за такое великое дело? Ведь тут до скончания века Имя Божие будет славословиться тысячами уст, и твоя память как храмосоздательницы не перестанет поминаться Церковью.

И.Т. Я за то ныне с этими строительными и вообще начальственными заботами и трудами не имею ни молитвы, ни поста, ни подвигов монашеских.

О.И. Подвиги твои не для твоей одной души, а для общего блага, потому они и велики, и выше частных, собственно для себя. Что же касается поста, ты лжешь сама себе: ведь пища твоя скудная, простая, а совсем не вкушать невозможно трудящемуся.

И.Т. А греха-то сколько в начальственной должности!

О.И. А на что же Агнец Божий возьмляй грехи мира? Проси у Бога веры и упования. «Совершение уповайте на приносимую вам благодать» ([1 Пет. 1:13](#)), — говорит апостол Петр.

И.Т. Помолитесь за меня, дорогой батюшка, вашими многомощными молитвами, да поможет и мне Господь.

О.И. Молюсь и буду молиться. И ты молись за меня, и твоя молитва имеет дерзновение.

И.Т. Какая моя молитва? Я молюсь за вас, отец мой, но только потому, с одной стороны, что хочется за вас помолиться, как за любимого отца, которому желаешь всякого блага; а с другой, стыдно мне и страшно молиться за вас, ибо кто я пред Богом сравнительно с вами?

О.И. Что ты, Таисия, неправедно возвышаешь меня? Я первый из грешников. Сам апостол просит верующих молиться о нем: «молитесь о мне» (ср.: [1 Фес. 5:25](#)). И другой апостол пишет: «молитесь друг за друга» ([Иак. 5:16](#)). Да нам и легче молиться за тех, кто за нас молится.

И.Т. Я однажды писала вам, батюшка, просила помолиться об исцелении меня от болезни; получила лишь облегчение, а не совершенное исцеление.

О.И. И не надобно, значит. Не ищи избавиться от болезней, надо же и поболеть, и потерпеть, все на пользу, на спасение наше.

Эта беседа наша с батюшкой в первое наше с ним путешествие в 1891 году июля 18-го дня записана мною почти дословно вечером того же дня; продолжалась она на пути от пристани до монастыря, где батюшка побыл весьма недолго вследствие просьбы хозяев парохода не задерживать его, и на обратном пути из обители на пароход.

Когда уже оставалось недалеко до пристани и приближалась минута расстаться с дорогим отцем, мне стало грустно, и я сказала ему:

И.Т. Вот мы сейчас и расстанемся с вами, дорогой батюшка, а как сладко мне было с вами беседовать! А теперь, Бог знает, когда придется свидеться.

О.И. Будем благодарить Бога и за то, что получили. Сама ты говоришь, что все это устроилось неожиданно, непредвиденно для тебя, так вот и гляди сама; а разве Господь-то не такой же милостивый будет и всегда? «Иисус Христос вчера и днесь Тойже, и во веки» ([Евр. 13:8](#)). Что вперед заглядывать? Будем надеяться!

И.Т. Вы очень спешили, батюшка, и даже не покушали ничего; мне очень совестно, что вы совсем голодны.

О.И. Напротив, я сыт больше, чем нужно. Я хотел бы быть голодным; когда голоден телом, то душа сытее, свободнее, легче можешь возноситься горе, а сытое тело и душу может пригнетать, поработает, да и «не о хлебе едином жив будет человек» ([Мф. 4:4](#)).

И.Т. Удивляться надобно, батюшка, как это вы всякий и самый простой, заурядный случай и даже каждое слово обращаете в назидание, в урок. Вот хотя бы и из этого слова какой высокий смысл выносите!

О.И. Христианин должен весьма осторожно относиться к каждому слову и стараться обратить его в пользу себе и собеседнику.

И.Т. Ну вот, родной батюшка, подъезжаем к пристани, сейчас разлучимся. (И я заплакала.)

О.И. «Кто ны разлучит от любве Божия» ([Рим. 8:35](#))? И нас с тобой, матушка, любящих Господа, ничто не разлучит ни в сей жизни, ни в будущей — веруй и надейся. «Держи, еже имаши, да никтоже восхитит венца твоего» ([Откр. 3:11](#)).

И.Т. Чем могу я выразить вам мою искреннюю, глубокую благодарность за посещение нашей обители? О, если бы я могла чем-нибудь послужить вам или угодить!

О.И. Угождай Господу, больше мне ничего не надо, и ничто не может быть для меня более приятного.

И.Т. Если бы за ваши святые молитвы и помог мне Господь преуспевать в духовной жизни, то все-таки это будет не вам угождение, а прямая обязанность моя и польза для моей души; притом же как вы узнаете об этом, чтобы порадовалось ваше отеческое сердце? Ведь мы с вами не часто видимся и живем довольно далеко друг от друга.

О.И. А я говорю тебе, что узнаю; верь этому, отныне мы будем часто видеться. Я ежегодно буду ездить на родину и обратным путем, может быть, буду заезжать в твою обитель. «>

С такую радостною надеждою оставил меня батюшка, сев на пароход; а я, вернувшись в обитель, тотчас же записала всю эту нашу беседу.

Эти слова батюшки Иоанна вполне сбылись.хлопоты мои о приобретении места в Петербурге для постройки подворья с целью материальной поддержки нашей обители, не имеющей ни капитала, ни обеспечения, начавшиеся еще при митрополите Исидоре, требовали иногда моего не кратковременного пребывания в столице, где я нередко виделась с батюшкой, хотя вести с ним духовную беседу никогда не приходилось. Но зато во время заездов его к нам в монастырь летом на обратном пути с родины мы получали поистине неземное наслаждение, находясь в непрерывном общении с этим благодатным пастырем в течение нескольких дней и даже недель. Он обыкновенно писал мне с родины из с. Суры или из Архангельска о том, куда предполагает заехать, сколько где пробыть и когда приблизительно быть у нас и на своем ли пароходе или на арендованном, и мое дело было встретить его на назначенном месте. Вот тут-то начинался мой праздник, мой отдых, т.е. буквально отдых душевный, обновление сил и подъем духа. Едем с ним, бывало, от пристани нашей Борки до монастыря; дорога все идет лесом, а версты за три до монастыря, пересекая дорогу, проходит полоса монастырского леса; и станет батюшка благословлять его на обе стороны: «Возрасти, сохрани, Господи, все сие на пользу обители Твоей, в нейже Имя Твое святое славословится непрестанно». Дорогою расспрашивает о состоянии сестер, о здоровье их и т.п. Подъезжаем к деревне, расположенной за одну версту от обители и составляющей весь ее приход, а там по обеим сторонам пестреет народ, вышедший на благословение к великому гостю: мужички с обнаженными головами кланяются в пояс; женщины с младенцами на руках спешат наперерыв поднести своих деток, хоть бы ручкой-то коснулся их батюшка; только и слышно: «батюшка-кормилец», «родимый ты наш», «красное солнышко». А батюшка на обе стороны кланяется, благословляет, говоря: «Здравствуйте, братцы! Здравствуйте, матери! Здравствуйте, крошечки Божий! Да благословит вас всех Отец наш Небесный! Христос с вами! Христос с вами!»

А как только пойдут монастырские постройки — дома причта, гостиницы и пр., тут встречают сестры с громким стройным пением: «Благословен грядый во имя Господне!» — и далее с пением же провожают до самого соборного храма, где встречают священнослужители, а звон в большой колокол давно уже гудит. Похоже на что-то пасхальное, прерадостное: общий подъем духа, общее торжество! После литургии, за которой всегда бывает много причастников, батюшка проходит прямо в сад, куда приглашаются и все сослужившие ему священнослужители, гости, приехавшие к нему; туда же является и самоварчик со всеми своими атрибутами, и дорогой батюшка, зная, что всякому приятно получить чаек из его рук, старается всех утешить. Потом пойдет гулять по аллеям сада или один, или с собеседником, но никто не беспокоит его. Как только батюшка проходит через террасу в дом — сад пустеет, так как все расходятся. Но ведь батюшка слишком любит чистый воздух: не только днем проводит все время или в саду, или катаясь со мною по полям и лесам, но иногда в теплые сухие ночи и спит на террасе. Иногда в саду соберет более близких знакомых своих и некоторых сестер обители и, сам выбрав где-нибудь местечко, станет читать нам книгу, им же самим выбранную, но чаще всего читал Евангелие, Апокалипсис или книгу пророков и все читаемое тут же объяснял. Иногда чтение прерывалось и беседами на объясняемую тему. Когда устанет сидеть или утомится чтением, скажет мне: «А что, матушка, не худо бы и прокатиться нам в Пустыньку твою». И, конечно, это моментально исполняется, и мы едем. Катались мы всегда небыстро, медленно, потому что в это время батюшка или молился тайно, или беседовал со мною, или просто дремал; да и нужды не было скоро ехать: народ, как бы много его ни было, никогда у нас

не бросался к нему, не беспокоил его на дороге. О «пустыньке», этом излюбленном местечке батюшки, я сообщу после подробно, а теперь возвращусь к его назидательным беседам.

Как-то, между прочим, зашел разговор о вере, и я, со своей стороны, сказала, что вера наша не так темна и слепа, как иные выражаются — «вера слепая».

И.Т. Я нахожу, что тайны веры доступны пониманию, не скажу — ума, а — души и сердца. Не слепо, не безотчетно я верую, а сознательно, так сказать осознательно, понимая, во что, почему и как верую.

О.И. Так сказать могут только люди духовные, а мирские, не упражняющиеся в предметах веры, не могут так сознавать тайн веры. Да и, во всяком случае, есть тайны вполне непостижимые, недоступные пониманию: например, тайна Святой Троицы — кто постигнет ее? Один — а Три. Три — а Один...

И.Т. Это объясняется различием лишь свойств Триипостасного Божества. Богословие объясняет это так: Бог Отец — первичный Ум, Бог Сын — первичное Слово, Бог Дух — животворная, умная, ипостасная, всемогущая святыня, живот от живота и т.п. Вы сами подобно сему в «Дневнике» пишете: «Я мыслю Отцем, говорю Словом, дышу Духом Святым». Следовательно, эта непостижимость тайны упрощается, уясняется и подобиями, и непроницаемость ее сглаживается.

О.И. Да, для верующих, просвещенных духовно, а все ли могут вместить это понятие? Впрочем, в том и состоит величие нашей веры, что она не так ясна, как познание; иначе она бы превратилась в знание и утратила бы свое величие. Могу ли я благоговеть перед тем, что через мое всестороннее понимание уступает моему знанию, становится как бы ниже меня? Нет, там, в будущем веке, «познаем» более полно, а теперь довольно нам «разуметь отчасти», как апостол о вере пишет: «Ныне разумею отчасти, тогда же познаю, якоже и познан бых» ([1 Кор. 13:12](#)).

И.Т. «Видим убо ныне якоже зеркалом в гадании, тогда же лицом к лицу», добавила я и продолжала: неужели, батюшка, мы увидим Господа лицом к лицу? Уж, кажется, и не выдержать человеческому брэнному естеству.

О.И. Не выдержать, пока человек во плоти, пока живет на земле, вращается в земной суете; помнишь, что Бог сказал Моисею: «Не возможеши видети лица Моего, не бо узрит человек лице Мое и жив будет» ([Исх. 33:20](#)). А в будущем веке, когда и сам человек одухотворится, Господь явит ему Себя, насколько он может вместить; уж это дело Божие. Чтобы не быть отверженными от Божественного неба, от пресветлых селений святых, во веки неветшающих и всегда живых, светлых, благоухающих, всерадостных, надобно здесь приуготовлять себя хранением заповедей Божиих, покаянием и упражнением в добрых делах, нужно ведать и посещать на земле дом Божий, знать великое его воспитательное назначение для душ христианских и заранее приучиться здесь дышать небесным воздухом облагоуханным, духовными ароматами христианских добродетелей, коими благоухает все небо, все собрание святых, ибо в храме непрестанно восхваляют добродетели и доблестные подвиги всех святых Христовой Церкви.

Безмерно много дано людям благодати и милости Божией в воплощении Сына Божия; много требуется взаимно от них: требуется непрестанное и внимательное размышление о делах домостроительства Божия, благодарность, выражающаяся исполнением заповедей Божиих, послушание, взаимная любовь и снисходительность друг к другу, правда, святость, а для этого необходимо внимание к самому себе, как сказано: «Аще бо быхом себе рассуждали, не быхом осуждени были» ([1 Кор. 11:31](#)). О, как враг двоит душу человека, отвращая ее от Бога пристрастиями и любовью к плоти и всему плотскому, к миру и его благам: славе земной, красоте плотской, к богатству и ко всяким земным удовольствиям, по большей части греховным! Любовь к Богу погашается греховною любовью, поэтому как зорко надобно следить за всеми изгибами своего сердца, чтобы оно не отпало от Бога, этого единственного Источника

всякого блага!

И.Т. Не знаю, родной батюшка, может быть, я и ошибаюсь, но, часто проверяя свое сердце, я не нахожу в нем пристрастия ни к чему земному. Не могу не сознавать, не ощущать, что мне как бы отвлеченно от земного живется, лишь по обязанности принимаешь во всем участие и возвращаешься всюду.

О.И. Благодарю Господа, что Он даровал тебе это бесстрашие. Это — не твое. Только Его святая сила может держать так человека.

И.Т. Главное подкрепление нахожу я в частом приобщении Святых Тайн, в чтении Евангелия, которое, право, иногда отвечает на мои мысли и дает вразумление. А также прибегаю нередко и к вашему «Дневнику». Какие там светлые, чудные мысли! Например: «Как реки текут в море, так души людей к Богу». Или еще: «Я мыслю Отцем, говорю Словом, дышу Духом Святым». Какая высота!

О.И. Это не мое, а озарение свыше. Я чувствовал на себе это озарение, и под влиянием его являвшиеся мысли считал грехом не записывать и не предавать памяти; десятки лет я вел эти записи, и составились целые книги.

И.Т. Они имеют, батюшка, какой-то особый характер. Они невольно восторгают читателя и переносят его как бы в глубину чистого богословия и света. Не сумею я лишь высказать: на мой взгляд, вы как будто разрушаете ими средостение между Богом и человеком, объединяете их. Например: «Я живу Богом, в Боге и с Богом, а Бог живет во мне!» Что же может быть выше этого? Ведь это Иоанново богословие: «Бог вселился в ны... и от исполнения Его мы вси прияхом и благодать возблагодать» ([Иоан. 1:14, 16](#))! Только оборот речи другой. Если только смею я так выразиться, это есть по отношению ко всему нашему православному учению как бы продолжение его, изъяснение не постигнутого еще, усовершенствование недоконченного. Вы как бы предвкушаете будущую блаженную жизнь Церкви торжествующей, и недостижимость будущей тайны упрощаете до близости и объединения.

О.И. Понимаю, что ты хочешь сказать. Однако не лишена и ты духовного разума. Действительно, он с этой целью, для этого и писан. Какое средостение между образом и первообразом? Это грех! Но грех разорен Богочеловеком, завеса греха — раздрана; кто мешает, или что преграждает нам путь?

И.Т. При такой мысли о близости единения Бога с человеком, невольно прихожу к вопросу: к чему же такие наши подвиги, лишения, труды ради Царствия Небесного, если оно, как и дарующий его Бог, есть только любовь, мир и радость? Тысячи древних подвижников сияли подвигами; и нам, нынешним монахам, предписываются подвиги, а между тем Бог, эта вечная Любовь, для Своего воцарения в сердце человека требует лишь любви: «Сыне, дажд Ми сердце твое» ([Притч. 23:26](#)), — говорит Он. Подвиги изнуряют, убивают, гнетут; я иногда сравниваю их с буквою по отношению к закону: «писмя бо убивает, а дух животворит» ([2 Кор. 3:6](#)).

О.И. Ты смешиваешь одно с другим, между тем как всему свое время и место. Подвиги нужны и необходимы для воспитания своего внутреннего человека, для умерщвления в нем гнездящихся страстей, для выработки себя в ту «меру возраста исполнения Христова» ([Еф. 4:13](#)), когда сделаемся способными принять и носить в своем сердце Царствие Божие. Бог всегда с нами, у дверей сердца нашего, как сказано: «се, стою при дверех и толку» ([Откр. 3:20](#)); да сердце-то всегда ли способно принять Его? Вот и указаны нам и книгами, и примерами подвиги как сила вспомогательная для нашего усовершенствования, чтобы путем их очистить свое сердце для принятия внутрь его Царствия Божия, т.е. Самого Христа.

Знаешь ты тропарь св. великомученику Феодору Тирону: «Яко хлеб сладкий Троице принесется»? Что это значит? Как ты понимаешь эти слова?

Для того, чтобы хлеб был сладкий, приятный, надобно прежде всего хорошенько просеять

муку, очистить ее от всякой примеси, от всего негодного, чтобы хлеб был чистый, вкусный. Так и сердце наше, чтобы было приятно Богу жертвой, надо прежде очистить от страстей, в нем находящихся, высеять их, тогда и будет оно приятно.

И.Т. Дорогой батюшка, как понимать заповедь о «добрых делах»? Их ведь необходимо утаивать?

О.И. А я так это понимаю: «Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех» ([Мф. 5:16](#)). Пусть люди видят твои добрые дела, и чрез то Господа славят, и для себя имеют живой пример, живое побуждение к деланию добра. Вот от кого надобно скрывать (и при этом батюшка показал пальцем на свое сердце) добрые дела! От него утаивай все, «да не увесть шуйца твоя, что творит десница твоя» ([Мф. 6:3](#)). Шуйцей называется свое личное самомнение, тщеславие. «>

Как известно, батюшка имел обыкновение читать канон, а вместе и седальны на кафизмах и антифоны. Был 3-й глас, и, прочитав антифоны: «В юг сеющий слезами Божественными, жнут класы радостию присноживотия», батюшка, обратясь ко мне, сказал: «Вот это тебе на утешение, Таисия, «сеющий слезами радостию пожнут в будущем веке». Как много утешения Господь возвещает скорбящим и труждающимся Его ради! Помни, что труды для Господа и скорби ради Его — выше всего».

На утрени Евангелие читалось о явлении Господа Марии Магдалине. По прочтении Евангелия, батюшка обратился ко мне и сказал: «Слышала ты, матушка, как Господь-то утешил Марию Магдалину: Марие, «что плачешь, кого ищешь» ([Иоан. 20:15](#))? Вот и тебе Он говорит: «Таисия, что плачешь, кого ищешь?» Ищи, ищи Иисуса, и Он предстанет тебе. Много утешений у верующего! Вот, например, за Божественною литургиею бывает такое утешение, озарение души, откровение тайн!

И.Т. Батюшка, вы во время литургисания точно сами переживаете все совершающееся, так возносите душою!

О.И. Верно, действительно, я все совершаемое стараюсь перечувствовать душой, переносясь мыслию и всею душою к совершаемому.

И.Т. Как я счастлива, батюшка, что вы у нас совершаете литургию!

О.И. Легко и служить в твоём соборе. Дух сестер-певчих дышит чистотою, усердием, благоговением; вообще у тебя хорошие сестры, хорошая обитель, и не оскудеет она милосердием Божиим.

Эти слова: «легко здесь служить, чудный собор» батюшка сказал мне еще и в алтаре, как только приобщился сам; он подошел ко мне и, видимо от избытка сердца, сказал: «Как мне хорошо здесь, легко служить! Чудный храм!» Мне это было тем более отрадно, что храм этот от первой и до последней копейки строился моими слезными трудами и сборами.

И.Т. Да и быть с вами, батюшка, так легко; от вас, как от одушевленного храма Божия, веет миром, спокойствием и радостию. С вами все забудешь, кроме Бога. Да еще умоляю вас, напишите мне хотя словечко, когда вам Господь внушит. Не забудьте меня, грешную, ведь я Ваша дочь духовная; не оставьте, не забудьте меня, родной мой.

О.И. Вот как я тебе скажу на это: Господь сказал чрез пророка: «Если и забудет сих жена (мать), Аз не забуду тебе». И я по силам буду помнить тебя и сестер твоих. «>

Однажды батюшка сидел углубленный в свои мысли, а я думала о нем: «Господи, что это за человек?» Вдруг он обратился ко мне, устремил на меня свои полные кротости и мира глаза и говорит: «Пытай!» Я, в свою очередь, не смутилась этим, ибо не новостью было для меня то, что он отвечает на мысли, и сказала ему, тоже глядя ему в глаза прямо: «Я не пытаю, батюшка; могу смотреть в глаза вам прямо, потому что не фальшивлю перед вами; но не задумываться о вас не может человек мыслящий и имеющий духовное настроение жизни; вот и я часто о вас думаю,

батюшка: что вы за человек и чем все это кончится?»

О.И. Ишь ты, куда заглядываешь: «чем кончится?». Начало и конец — милость Божия. Смотри и суди по плодам, как указано в Евангелии: «от плод их познаете их» ([Мф. 7:16](#)). И в себе ищи плодов, и в тебе они будут и быть должны. Помни между тем, что мир от Бога; враг не может дать мира душевного; его дело — смущать, а не умирять.

И.Т. Батюшка, я хотела бы и еще вас спросить: вот я все стараюсь отдаляться от своих родных; редко, очень редко пишу им; вот уже 14 лет, как не была у них; они все зовут, все стараются сблизиться со мною; и другие меня уговаривают, что и грех будто бы оставлять своих; если и посторонним делаешь добро, то своим и подавно надобно. А я все стараюсь отдаляться от них, ведь сказано: «Врази человеку домашний его» ([Мф. 10:36](#)). Да и что у нас общего? Они только отвлекут меня от моих обязанностей; да я и боюсь, греха с ними много. Как ваш взгляд на это?

О.И. И прекрасно делаешь! Остерегайся, отдаляйся от них. Помни: «Нельзя служить двум господам» (ср.: [Мф. 6:24](#)). У тебя теперь другие родные — твои сестры о Христе, ты за них ответишь пред Богом; а родных раз уже оставила, «не озирайся вспять». Нет сильнее войны духовному человеку, как с родными его: «врази человеку домашний его». Так было при Христе, так и теперь, так и всегда будет. «>

Однажды я исповедовалась у батюшки, говоря по порядку заповеди. Выслушав, он сказал:

О.И. Все это грехи как бы неизбежные, вседневные, в коих мы должны непрестанно каяться мысленно и исправляться. А вот ты мне что скажи: каково твое сердце, нет ли в нем чего греховного: злобы, вражды, неприязни, ненависти, зависти, лести, мстительности, подозрительности, мнительности, недоброжелательства? Вот яд, от которого да избавит нас Господь! Вот что важно!

Я отвечала, что не ощущаю в себе ни злобы, ни вражды, ни мести, ничего подобного, а только могу обвинить себя в подозрительности, или, вернее, в недоверии к людям, образовавшемся во мне вследствие многих людских несправедливостей и неправд.

Батюшка отвечал:

О.И. И в этом не оправдишься; помни: «любы... не мыслит зла» ([1 Кор. 13:5](#)) и «доброе око не узрит зла» даже и там, где оно есть. Покрывай все любовью, не останавливайся на земной грязи, достигай совершенства любви Христовой; впрочем, и Христос «не вдаяше Себе в веру их, зане Сам ведяше вся» ([Иоан. 2:24](#)).

И.Т. Батюшка, как же доверять и верить вполне людям, когда так много от них приходилось терпеть незаслуженно, безвинно? Иногда, из предосторожности для будущего, относишься недоверчиво и подозрительно.

О.И. Зачем нам заглядывать в будущее? «Довлеет дневи злоба его» ([Мф. 6:34](#)). Предадимся, как дети, Отцу нашему Небесному, Он «не оставит нас искушиться паче, нежели можем» (ср.: [1 Кор. 10:13](#)). Подозрительностью лишь себя измучишь, да и делу не поможешь, еще повредишь, заранее представив себе зло там, где, может быть, его и не будет. Лишь бы мы не делали зла, а нам пусть делают, если попустит Господь. «>

Однажды я сказала батюшке, что иногда подвергаюсь сильнейшему духовному искушению, которое изобразить словом не могу; это как бы уныние, но в самой ужасной степени, едва не отчаяние, — точно туча черная нависнет над головой, и точно нет из-под нее выхода; все представляется так мрачно, так тяжело на душе, что я называю это искушение «адским», и если бы оно было продолжительно, то причинило бы смерть или исступление.

Батюшка отвечал:

О.И. Это искушение попускается более сильным, более опытным в духовной брани. Его наносит тебе враг, потому что видит, что подвиги твои подходят к концу, что тебе готовится

воздаяние на небе, и хочет сильным толчком сразить тебя и лишит тебя венца. Многих он губит унынием. Крепись и мужайся, борись против козней врага, не поддавайся. Неси со смирением и в терпении и этот крест. Считай, что он послан тебе для твоего смирения, и Господь поможет тебе. Чья храмина души основана на камне, ту никакие ветры не поколеблют, ибо твердо основание ее; а у кого нет в основании камня, Христа, и основана душевная храмина его на песке, та легко разрушается и малейшею бурей. Восходи по лестнице духовной вверх, а не вниз. Возвышайся духом, возвышайся умом. Ты призвана пасти свое малое стадо девственниц, избранных Господом на житие иноческое; не считай это дело маловажным или меньшим тех добродетелей и подвигов, какие ты могла бы понести в уединении, спасая лишь свою душу. Ты теперь не имеешь покоя ради служения ближним; твои труды, заботы и скорби — скорби и страдания мученицы, ибо ты распинаешься за всех по любви к Богу и ближним, а что выше этого? «>

На следующее утро, когда мы с батюшкой пошли в храм, в котором престол мраморный, батюшка вдруг, указывая на него, спросил меня: «Это какой престол?» Я с удивлением посмотрела на него и отвечала: «Мраморный». Он продолжал: «Следовательно, каменный; да будет же твое сердце, как этот камень, — мужайся!» ,

И.Т. Иногда, батюшка, готовишься к принятию Святых Тайн, а ночью совсем не можешь бодрствовать: или от дневных трудов утомишься до крайности, или от чего-либо другого, но так и клонит ко сну; потом и смущаешься этим в церкви.

О.И. Неужели ты думаешь, что наше неспание или какие-либо подвиги сильны и достаточны дать нам дерзновение пред Святою Чашею? Помнишь разбойника? Один вздох искреннего раскаяния, одна вера в заслуги Распятого — вот наше оправдание, а не мнимые наши подвиги. Конечно, надо и подвизаться, но не с тем, чтобы в этих подвигах видеть и полагать свое оправдание и достоинство. «Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» ([Пс. 50:19](#)). «>

Я многократно просила батюшку принять наш монастырь под его духовное водительство, его покров, отнюдь не разумея тут какой-либо материальной помощи, о чем решительно никогда не беспокоила батюшку, а просила исключительно его духовного, благодатного наблюдения над нашей обителью, веруя и по опыту зная, что ему Господь открывает состояние сердец человеческих.

Батюшка отвечал:

О.И. Много ты мне, матушка, приписываешь, слишком высоко обо мне думаешь. Если я что и имею, то лишь по благодати Божией. Конечно, «вся возможна верующему» ([Мк. 9:23](#)). По вере твоей, если будет на то Его святая воля, не отказываюсь содействовать вам в деле спасения, буду, как уже и говорил, молиться за вас; и сам я люблю вашу обитель.

Этот наш разговор происходил во время пребывания батюшки в нашей обители. Дня через два или три после сего поехали мы с батюшкой кататься, и, по обычаю, прежде всего в Пустыньку. Когда батюшка располагал там уединиться для молитвы или для отдыха, он приказывал запереть входные ворота оградки, чтобы никто не входил, не беспокоил его. На этот раз он распорядился так же. Нелишне здесь пояснить, что все место, огражденное здесь деревянным забором (скиток «Пустынька»), представляет собой ровный квадрат, посередине которого расположен одноэтажный деревянный дом, на восточной половине коего — храм во имя св. апостола Иоанна Богослова. С этой стороны от ограды до храма — кельи сестер, а по ту сторону церковного домика — садик с аллеями, где и любил всегда прохаживаться о. Иоанн, совершая свои тайные молитвы.

Из предосторожности, чтобы кто не побеспокоил его, я во время таких его прогулок всегда почти сидела на ступеньках крыльца, и если батюшке было что-либо нужно, он обращался ко

мне. В описываемый мною случай батюшка недолго погулял по садику, но, видимо, он молился, нередко останавливался, скрестив на груди руки и устремив взор на небо. Затем быстрым движением подошел к стоявшему на одной аллее стулу и потащил его за собой к алтарной стене с юго-востока. Я, от неожиданности такого поступка, растерялась, не успела да и не посмела помочь ему. Смотрю — батюшка уже и второй стул тащит за собой подобно первому. Я поспешила к нему, но он поставил его рядом с первым и говорит мне: «Садись, я почитаю тебе». С этими словами он достал из кармана довольно большую книгу, открыл ее, где было заложено, и стал читать. Расскажу вкратце прочитанную историю. В Киево-Печерской Лавре, основателем коей, как известно, был преподобный Антоний, один из старцев, занимавший высокий пост и пользовавшийся всеобщим почтением, скончался. Авва, т.е. настоятель, особенно сокрушался о нем, так как имел в нем себе ближайшего и верного помощника по управлению. К немалому его огорчению, усопший в первый же день своей кончины так разложился, что невозможно было ни читать по нем Евангелия, ни петь панихиды не только у гроба, но даже и в соседней келье; зловоние наполнило всю (тогда еще небольшую) обитель, и все считали это за наказание Божие. Когда авва в полночь стоял на своем правиле и молился об упокоении новопреставленного, он услышал от иконы Спасителя глас, возвещавший ему о том, что почивший имел многие тайные грехи, не раскаявшись в которых и умер, поэтому не может быть помилован от Правосудия Божия. Наутро авва собрал всю братию, объявил им извещение Спасителя о старце и предложил всем в течение сорока дней особенно усиленно молиться за него и поститься. Все с усердием стали подвизаться за душу собрата. На 40-й день авва, опять в полунощной молитве пред тою же иконою Спасителя, слышит глас: «Не ради ваших постов и молитв за связанного грехами брата, а ради раба Моего Антония, молившего Меня еще на земле, да не погибнут души подвизающихся в сей обители, созданной им, Я прощаю усопшего имярек». Прочитав это повествование, батюшка сложил книгу, спрятал ее в боковой карман своего подрясника и, быстро встав, сказал: «Ну, поедем, матушка!» И мы тотчас же тронулись. Долго сидели мы оба молча. Зная, что батюшка никогда и ничего не делает без цели, я раздумывала, чем бы объяснить этот его поступок. Наконец, батюшка начал сам: «Что-ж ты, матушка, призадумалась?»

И.Т. Да как не призадуматься, батюшка, ведь вы мне словно загадку загадали. Ведь я понимаю, что вы не без цели это мне прочитали, так вот и хочу додуматься, найти эту цель; а может быть, вы сами мне скажете?

О.И. Нет, если нужно, Господь откроет тебе, а сам я ничего не скажу.

И.Т. Я пришла только к одному заключению, а иного никакого мне на ум не приходит: как преподобный Антоний умолял Господа, чтобы все, подвизавшиеся в его обители, не были отринуты Им, а спаслись, так и вашими святыми молитвами Господь спасет всех живущих в этой обители. Об этом ведь я вас и просила на днях, да и всегда прошу. **О.И.** Да, Господь даровал мне эту обитель твою, и я ваш молитвенник всегдашний. «>

От избытка сильных ощущений, вызванных этим событием, я не могла разобраться в мыслях. Я сознавала, что сказанное мне батюшкой после чтения было делом слишком большой важности, слишком радостным для меня и для всей обители. Я сидела, углубившись в свои мысли, и даже забыла поблагодарить батюшку за его такой бесценный дар. Наконец я опомнилась и сказала ему: «Батюшка, конечно, я бессильна благодарить вас, да и какое слово благодарности может соответствовать такому великому дару».

О.И. Богу благодарение, а не мне, недостойному. Помнишь слова апостола: «лишше подобает нам внимати писанным, да не когда отпадем» (ср.: [Евр. 2:1](#))?

И.Т. Помню, батюшка, но этот текст мне не очень знаком, а вы редко его повторяете, запишите мне его для памяти.

О.И. Не хочется, Таисия, я устал.

Но, помолчав немного, он продолжал: «Ну, давай, напишу!»

И.Т. Нет, батюшка, если устали, так зачем же утруждать себя? Я и так запомню или сама запишу. И я повторила текст.

О.И. Давай, давай — напишу! Надо нудить себя; слышишь: «надо нудить себя» на пользу ближних во славу Божию. «>

Я поняла урок для себя. «Спаси вас Господи, — отвечала я, — да мне каждое ваше слово дорого, я внимательно слушаю ваши речи и после дома записываю все, о чем говорила с вами. Это служит и для меня самой утешением и пользой, да и как отрадно прочесть хотя речи ваши, когда, расставшись с вами, скучаешь о вас. Кроме того, думаю, и другим полезно слышать (т.е. прочитать) ваши благодатные беседы».

О.И. Что ж? Можешь давать и другим, но прежде дай мне самому просмотреть, что ты там записала.

Я показала батюшке эту самую тетрадку; он прочитал несколько страничек, кое-что поправил и, отдавая мне ее обратно, сказал:

О.И. Я просмотрел бы ее в более свободное время, там после подашь мне. Хорошо, что ты запоминаешь мои слова. «Хвалю вас», — говорит апостол, — «яко слово мое помните и предания моя держите» (ср.: [1 Кор. 11:2](#)). Значит, семя мое падает на добрую землю и приносит плод, довольный к насыщению и других.

И.Т. Мне думается, батюшка, что рассеянность, хотя сама по себе и не есть особый вид греха, но едва ли не более других грехов мешает присутствию благодати Божией и заглушает ее.

О.И. А разве ты не считаешь рассеянность за грех? Она есть потеря внимания, о ней и Спаситель упоминал, когда говорил о семени, падшем при пути, и когда сказал апостолу Петру: «Симоне, Симоне, се, сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу» ([Лк. 22:31](#)) (сеял, т.е. рассеивал).

И.Т. А разве это о рассеянности, батюшка?

О.И. Как же, о рассеянности. «>

Батюшка очень любил цветы и вообще природу; ему беспрестанно подносили цветы или из сада, или полевые. Бывало, возьмет в ручку розу или пион, какие расцветут к его приезду, и поцелует цветок, говоря: «Лобызая Десницу, создавшую тебя столь дивно, столь прекрасно, благоуханно! О, Творец, Творец! Сколь дивен Ты и в самомалейшей травке, в каждом лепестке!» Подержит, бывало, батюшка в руке своей цветочек и отдаст кому-нибудь из присутствующих; и сколько радости получает с этим цветочком обладатель его! А батюшка продолжает восхвалять Творца за Его благодеяния к людям. Подадут ли ему ягод из сада, какие поспеют, он говорит: «Какой Господь-то, Отец наш Небесный, милостивый, добрый, щедрый, всеблагий! Посмотрите, поймите: Он не только дает нам насущное, необходимое пропитание, а и услаждает нас, лакомит ягодками, фруктами, и какими разнообразными по вкусу — одни лучше других! Заметьте, вот у каждого сорта ягод свой вкус, своя сладость, свой аромат».

Кто-то из приезжих заметил при этом ему однажды, что ныне культура усовершенствована и дает лучшие сорта продуктов. Батюшка, не глядя на говорившего, а продолжая смотреть на ягоды, ответил: «Культура — культурой, а Творец — Творцем. На то и дан человеку разум, чтобы он работал им, возделывал, совершенствовал, или, как ныне выражаются, культивировал прежде всего самого себя, а затем и другие творения Божий, хотя бы и дерево, и плоды, и все, что предано в его руки Творцом. Из готового-то семени легко выращивать, доводить до высшего качества; а семя-то самое создать, если его нет, одну каплю воды создать там, где ее нет, — попробуйте-ка с вашей культурой! Из готовой воды можно и водопады устраивать; из готовых веществ — земли, песка, глины — можно какие угодно громады воздвигать; а при отсутствии

этих веществ что вы сделали бы? О, Творче все-благий, Отче Небесный, доколь создание Твое не познает Тебя и не падает в прах пред величием Твоим?!»

Любил также батюшка и сам собирать в саду ягоды и кушать их прямо с веточки. Бывало, заберется в кусты малины или в грядки клубники, кушает да и позовет: «Матушка, у тебя в садике-то воры; что плохо следишь за своим добром?» Любил он наш садик и всякий раз перед отъездом из обители заходил в него и, как бы жалея его, прощался с ним: «Прощай, садик! Спасибо тебе за то удовольствие, которое ты доставляешь мне всегда! Сколько светлых минут проводил я в твоём уединении!» — и тому подобное. Бывало, скажешь ему на это: «Родной наш батюшка, да разве вы уже на будущий год к нам не приедете?» Он ответит: «Будущее в руках Божиих; жив буду — приеду».

Если случалось, что батюшка приезжал к нам во время сенокоса, то мы с ним ездили и на покос к сестрам, всегда принаравливая к тому времени, когда они там пьют чай. Вот радость-то сестрам! Подъезжаем, бывало, и издали уже виднеются черные фигуры в белых фартуках и белых платочках. Поодаль дымятся и самоварчики; тут же на траве разостлана большая простая деревенская (бранная) скатерть, пригнетенная по краям камушками, чтобы не поднимало ее ветром, на ней около сотни чашек чайных, сахар, подле стоят мешки с кренделями (баранками). Как только подъедет батюшка, певчие сестры грянут любимый батюшкин задостойник: «Радуйся, Царице». Батюшка идет к приготовленному для него столику, но иногда прежде погуляет по покосу, посидит на сене, побеседует с сенокосницами, и затем начинается чаепитие. Все собираются к кипящим кубам и самоварчикам, садятся на траву, а батюшка сам раздаёт им из мешка баранки, многим даёт чай из своего стакана и вообще старается всех утешить. Когда он уезжает с покоса, все бегут провожать его, певчие поют ему «многолетие», пока экипаж не скроется из вида. Вообще батюшка любил наше пение и ежедневно призывал клирошанок петь, по большей части в саду, иногда и в Пустыньке, а при дождливой погоде и в кельях. Ежедневно после обеда подходила к нему регентша, которой он назначал, какие пьесы петь ему. Иногда он слушал их молча, сосредоточенно, в молитвенном настроении; иногда стоял или даже ходил среди них и объяснял им смысл поемого, особенно ирмосов; иногда же с увлечением сам пел с ними и регентовал рукою. Когда случалось нам с ним кататься по Волге, по его благословению я брала с собою на пароход от 4 до 6 певчих, которые пели ему на пароходе, также и в побережных церквах, где он останавливался для совершения литургии, без чего не мог провести ни одного дня.

Символ веры молитва предназначенная для чтения перед покаянием. Когда мы с ним катались по нашим лесам и полям, он всегда благословлял поля с молитвою о их плодоносии и изобильном урожае на пропитание обители. Бывало, когда увидит, что нет близко народа, велит остановить лошадей, снимет с себя рясу, положит на свое место и пойдет немножко пройтись в поле. По дорогам между монастырем и скитами у нас поставлено немало скамеечек, так как по этим уединенным дорожкам гуляют монашеники и садятся иногда со своим рукоделием, или отдыхают, когда ходят в лес за ягодами или за грибами. Во время пребывания у нас батюшки все таковые скамеечки служили местом для богомольцев, прибывавших к батюшке; зная, что мы с ним ежедневно, иногда и по несколько раз, проезжаем тут мимо, они поджидали нас и, завидев издали экипаж, тихо, в полном порядке подходили к батюшке на благословение; иные девушки подносили ему полевые цветы, особенно часто фиалки, белые и лиловые, которые батюшка очень любил. Так однажды, приняв эти букеты, он держал в руках одни из них и, рассматривая его, сказал евангельское слово:

О.И. «И Соломон во всей славе своей не одевался так, как каждая из полевых лилий. Если Отец Небесный так одевает цветок, который сегодня есть, а завтра брошен будет в печь, не много ли паче вас, маловерные». Как очевидна истина слова Божия: «Ищите прежде Царствия

Божия и правды Его, а все остальное приложится вам» (ср.: [Мф. 6:29—30, 33](#)). Это я испытываю на себе: с тех пор как я начал усиленно искать и исключительно заботиться о благоугождении Господу молитвою и делами милосердия ближним и другим, я почти не имею надобности заботиться о себе, т.е. о своих внешних нуждах; меня, по милости Божией, одевают, обувают, угощают добрые люди и сочтут за обиду, если бы я не принял их усердия. <>

Я на это отвечала ему: «А если бы вы знали, батюшка, как приятно что-либо сделать для вас, хотя чем-нибудь послужить вам. Да и поверите ли, батюшка, что за все, что для вас сделаешь, так скоро воздается сторицею! Я это и на себе лично испытала, да и от многих слышала».

О.И. Верю, и сам вижу на деле; да это и в порядке вещей; за все воздает нам Господь, даже за чашу холодной воды, поданную во имя Его.

И.Т. А я в этом отношении часто припоминаю слова: «Приемляй праведника во имя праведничю, мзду праведничю примет» ([Мф. 10:41](#)). Я знаю, что это сказано к апостолам и не в том отношении, о каком мы теперь говорим, а вообще о вере и усердии к праведникам, т.е. к людям, всецело отдавшимся Богу.

О.И. А помнишь апостольское слово: «Не обидлив бо Бог, забыти дела вашего и труда любви, юже покажете во имя Его, послуживше святым» ([Евр. 6:10](#)). Конечно, не святых, на небесах живущих, надлежит разуметь, а служителей Его, которые трудятся для Него ради спасения людей. А строго же Он и судит тех, кто дерзает злословить их, особенно клеветать безвинно! Как Он чрез пророка Захарию говорит: «Касаясь вас» (т.е. избранников Божиих), «яко касаясь зеницы ока Его» (Божия) ([Зах. 2:8](#)). Видишь, своим «оком» называет их Господь! Да и святые-то как любили Господа! Несмотря на немощное плотское свое естество, ужасающееся и мысли о мучениях и пытках, ради любви Христовой охотно шли на всякое страдание и смерть, лишь бы в вечности не быть отринутым от Него. Вот, святой Игнатий Богоносец и лично просил, и писал в своем послании к римлянам-христианам, когда они хотели освободить его от предстоящей ему мученической смерти: «Не возбраняйте ми» (т.е. не мешайте мне прийти ко Господу), «хочу быти измолен» (т.е. измолот) «зубами зверей, да буду в жертву благоприятну Господу моему!» Вот высокая, святая любовь!

В 1903 году, в бытность свою у нас, о. протоиерей Иоанн совершил закладку зимнего Троицкого храма при громадном стечении народа, так как в этом году здесь были учительские курсы, в коих принимали участие свыше 70 учительниц. <>

Грешно было бы умолчать об одном слишком большой важности событии, совершившемся по молитвам о. Иоанна на глазах целой деревни и известном всей окрестности, о котором в свое время все говорили и писали, а теперь, уже после кончины батюшки, упоминал в газетах случившийся в то время у нас в монастыре г-н М. А. Гольтисон. Это было также в 1903 году, еще в начале июня месяца. Во всей здешней местности появилась сибирская язва. Коровы и лошади падали ежедневно по несколько голов. Со всех сторон были поставлены карантинны, и я с ужасом помышляла о том, как выеду за батюшкой и как привезу его в обитель, ибо всем приезжавшим к нам на пароходе из более отдаленных местностей приходилось идти пешком все 10 верст от пристани до нас. В монастыре, собственно, скот не падал, не было никакой эпизоотии; но из него-то, окруженного карантинными, никуда нельзя было попасть иначе, как пешком. Наконец необходимо стало решить вопрос, т.е. или предупредить батюшку о невозможности посетить наше Леушино, или же, презрев опасность подвергнуть эпизоотии весь наш скот, решиться ехать; и я, помолившись с верою, избрала последнее. Со всякими предосторожностями, ночью, во избежание дневного жара, на легком простом тарантасе в одну лошадку, я поехала на пристань. Версты за 2 до нее, на карантине, мы едва пробрались, и то лишь потому, что все знали, что в обители пока все благополучно. Едва проехали эту заставу,

как на беду нам пересекают дорогу двое дрог, везущих павших лошадей для закопки их в отведенном месте. Ужас мой и опасение удвоились, и я почти уверена была, что должна лишиться своей лошадки. Кое-как, наконец, добрались до пристани и со всеми предосторожностями, опрыскав и окурив, убрали лошадь в конюшню. Утром я отправилась навстречу батюшке и еще на пароходе рассказала ему все. Выслушав меня молча, батюшка встал со своего места и стал ходить по трапу парохода и молиться. Через полчаса времени он снова сел подле меня и сказал: «Какое сокровище — молитва! Ею все можно выпросить от Господа, все получить, всякое благо, победить всякое искушение, Всякую беду, всякое горе». Я уже начинала смекать по этим словам, что и наша беда — сибирская язва — победится его молитвами, что и высказала ему. Батюшка ответил: «Что же — «вся возможна верующим!»» ([Мк. 9:23](#)).

Когда пароход подошел к пристани Борки, то на ней уже собралась не одна сотня домохозяев и хозяек, намеревавшихся просить батюшку помолиться об избавлении их от такого тяжелого наказания, как потеря скота. «Что мы будем делать без скотинки-то, кормилец? Ведь ни земли вспахать, ничего, хоть по миру иди! Уж и без того-то бедно, а тут еще такая беда». — «За грехи ваши Господь попустил на вас такую беду; ведь вы Бога-то забываете. Вот, например, праздники нам даны, чтобы в церковь сходить, Богу помолиться, а вы пьянствуете; а уж при пьянстве чего хорошего, сами знаете!» — «Вестимо, батюшка-кормилец, чего уж в пьянстве хорошего, одно зло». — «Так вы сознаетесь ли, друзья мои, что по грехам получаете возмездие?» — «Как не сознаться, кормилец! Помолись за нас, за грешных!» И все пали в ноги. Батюшка приказал принести ушат и тут же из реки почерпнуть воды. Совершив краткое водоосвящение, он сказал: «Возьмите каждый домохозяин себе этой воды, покропите ею скотинку и с Богом поезжайте, работайте; Господь помиловал вас». Затем батюшка вышел на берег, где уже стояли наши лошади, которых он сам окропил, равно и привезшую меня на пристань лошадку, и мы безбоязненно поехали в обитель. В тот же день все мужички поехали куда кому было надо, все карантинны были сняты, о язве осталось лишь одно воспоминание, соединенное с благоговейным удивлением к великому молитвеннику земли Русской. Хотя у нас в обители и не было падежа скота, но мы, тем не менее, просили батюшку окропить его и помолиться о сохранении его на общую пользу. И бесценный наш молитвенник, совершив водоосвящение, приказал проводить мимо него весь рогатый скот поодиночке, причем каждого отдельно окроплял святой водою, также и лошадей.

Вообще батюшка любил животных; в пример этому могу привести случай, коему и я и все бывшие на пароходе были очевидцами.

Однажды мы с батюшкой ехали на пароходе по Волге вверх, против течения, около 5 часов пополудни, в сенокосное время. Все были на трапе, где батюшка читал нам книгу, а мы окружали его, сидя кто на стульях, кто на скамьях, а кто и на полу. Прекратив чтение, батюшка обратился к бывшему тут же капитану парохода А. А. М. и сказал: «Пойдем, друг, помедленнее: чудный вечер, а аромат-то какой от свежего сена — наслаждение!» Идя тихим ходом, мы подходили к большой, широко раскинувшейся по берегу Волги деревне, а на противоположном берегу находился покос, где еще убирали сено: иные метали стоги, иные накладывали его на воза, чтобы увезти через реку в деревню на пароме, стоявшем у того берега. Вдруг одна лошадь с огромным возом сена, скативши его на паром, не могла остановиться и ринулась прямо в воду, увлекая за собой и воз и державшего ее хозяина-крестьянина. На пароме произошел невообразимый переполох: и лошадь и сено были обречены на верную гибель. Крестьянин, бросив вожжи в реку, моментально сел в лодочку и направился по течению, куда должно было нести и лошадь с возом. Наш пароход совсем остановился. В ужасе мы все смотрели на погибающее, как мы думали, животное. Но что же вышло? Батюшка, стоявший у самого борта

на трапе, все время крестился, молился, произносил вслух: «Господи, пощади создание Твое, ни в чем неповинную лошадку! Господи, Ты создал ее на службу человеку, не погуби, пощади, всеблагий Творец!» Он часто изображал крестное знамение в воздухе по направлению к лошади, которая плыла с возом, как будто шла по дну. Когда она доплыла до самой середины реки, где было очень глубоко, — просто сердце замерло, глядя на нее: вот-вот, думалось, скроется под водой, но она продолжала плыть и вот уже была недалеко от другого берега. Крестьянин, плывший за нею в лодке, тоже подплывал к берегу; он подобрал волочившиеся по воде вожжи, опередил лошадь и помог ей поднять воз на берег. Из селения прибежали другие мужички и общими силами стали помогать потерпевшему. Сначала выпрягли лошадь, и она, почувствовав себя вне опасности, стала стряхиваться, кататься, т.е. валяться по траве, и потом бодро встала на ноги. Сено подмокло, но и то не до самого верха, хотя нам и казалось, что уже только верхушка его не в воде. Так как это было у всех на глазах, и все видели, как о. Иоанн молился о спасении животного, то много народа собралось на берегу, во главе с хозяином лошади, чтобы благодарить дорогого молитвенника и общего отца-печальника, но он, избегая этого, тотчас же приказал капитану парохода идти дальше.

Много, весьма много назидательного и отрадного удостоил меня Господь видеть и слышать во время моего пребывания с о. Иоанном. Он имел удивительный навык и самонаименьшие случаи, по-видимому и незаметные, заурядные, не стоящие и внимания, обращать в полезное назидание окружающим. Вот пример. Все мы однажды были с ним на трапе парохода, где, по обыкновению, батюшка нам читал. Окончив чтение, он сидел молча, приказав лишь убрать столик, на котором лежали книги. Был сильный ветер; опасаясь, чтобы он не смахнул книги в реку, я стала собирать книги, чтобы снести их в каюту. Батюшка, пристально смотревший на пол, окликнул меня и говорит: «Матушка, смотри, как бьется бедная муха! Видишь, вот, вот она! Пришибло ее, бедную, к полу, не может подняться, а все-таки не теряет надежды, борется с ветром: он ее относит назад, а она опять ползет, экая ведь умница! Вот так и враг-диавол борет душу, относит ее, как вихрь, от пути спасительного, коим она идет, а она — борется, не уступает ему. Вот и муха нас учит, урок нам дает».

Бывало, любитесь на закат солнца в ясный летний вечер и скажет: «Как дивен Творец в Своем творении! Смотри хотя бы на это солнышко, какая дивная красота! А если творение так величественно, то что же Сам Творец, каков Он-то!»

Да и не счесть таких и подобных бесед и отрывочных фраз батюшки, которыми он услаждал дух своих спутников. О том, сколько на глазах наших совершилось исцелений, поразительных, разнообразных, я не стану описывать, потому что они и бесчисленны и всем известны; но не менее достойно предать памяти и случаи, говорящие о его пронизательности и предвидении и вообще о близости его к миру духовному. Он во время своей тайной молитвы как бы созерцал Бога пред очами и беседовал с Ним, как с близким себе существом. Он как бы вопрошал Бога и получал от Него извещения. Пример сего могу привести следующий.

Однажды батюшка сидел на трапе парохода один, читая свое дорожное маленькое Евангелие, которое держал в руках. Я тоже была на трапе, но далеко от него. Вдруг батюшка, увидев меня, сделал знак рукою, чтобы я подошла к нему, что, конечно, я охотно исполнила. «Послушай, матушка, — обратился он ко мне, усаживая меня подле себя, — какой неправильный перевод: «Аз рех во изступлении моем» ([Пс. 115:2](#)) переведено — «я сказал в безумии моем». Ведь это совсем не то? Я ответила, что надлежало перевести: «Я сказал в восхищении, в восторге чувств», с чем и дальнейшие слова согласуются: «что воздам Господеву о всех, яже воздаде ми». Батюшка одобрил мои слова и, опустив книжечку, сидел молча.

Пользуясь его спокойным настроением и досужными минутами, я решила высказать ему свои тревожные мысли о загробной участи моей матери, которая, будучи вполне религиозной

христианкой, в то же время сильно противилась моему уходу в монастырь и не хотела дать мне на это своего благословения. Меня тревожила мысль: не вменит ли ей Господь во грех это ее упорство? И вот я, в описанную минуту, спросила о сем батюшку. Он сказал мне: «Молись за нее» — и, продолжая сидеть неподвижно с Евангелием в руках, сосредоточенно смотрел куда-то вдаль. Я уже более не повторяла вопроса, и мы сидели с ним молча около четверти часа. Вдруг батюшка, обернувшись ко мне, произнес твердо: «Она помилована!» Я никак не дерзала понять эти слова, как ответ на мой вопрос, считая его уже окончанным, и, в недоумении взглянув на батюшку, спросила: «Кто помилована? О ком вы это сказали?» «Да ты о ком спрашивала меня? О своей матери? — возразил он. — Ну, так вот я и говорю тебе, что она помилована». «Батюшка, дорогой, — продолжала я, — вы говорите, как получивший извещение свыше». — «А то как же иначе? Ведь о подобных вещах нельзя говорить без извещения — этим не шутят».

Могу привести примеры не только пронизательности батюшки, но и того, что он именем Божиим властно запрещал бесам, козни которых он, очевидно, видел; приведу лишь немногие из них. Однажды мне довелось ехать с батюшкой по Балтийской ж. д. только вдвоем с ним, в отдельном купе. Мне хотелось поговорить с ним наедине о каком-то нужном деле. Началась беседа сердечная, духовная, откровенная. Вдруг батюшка порывисто, быстро поднялся на ноги (не отходя от места, где сидел), и, подняв правую руку вверх, потряс ею в воздухе, как бы грозя кому-то, и, устремив взор вдаль прямо (не в сторону), громко произнес: «Да запретит вам Господь Бог!» Сказав эти слова, он перекрестился, сел на свое место и с обычной своей кроткой улыбкой посмотрел на меня и, положив свою руку на мое плечо, произнес: «Что, матушка, ты не испугалась ли?» «Испугалась, батюшка, — отвечала я, — но я сразу же поняла, что вы запрещали бесам; неужели вы их видите?» — «Да, матушка, да! Но что об этом говорить? Лучше продолжим нашу сладкую беседу». Таким образом, в этой беседе мы доехали до Ораниенбаума; батюшка направился на пароход, идущий в Кронштадт, а я с тем же поездом, не выходя из вагона, вернулась в Петербург, утешенная и ободренная беседою с великим человеком, имеющим власть на «духов злобы поднебесных» (ср.: [Еф. 6:12](#)).

Второй подобный сему случай могу привести следующий. В день храмового нашей подворекой церкви праздника св. апостола Иоанна Богослова всегда служил у нас батюшка; для этого он приезжал накануне ко всеобщей, выходил на величание, сам читал акафист и канон. Затем оставался у нас ночевать и в самый праздник совершал соборно с другими священниками позднюю литургию в 10 часов. Вставал он всегда рано, иногда часа в 4 или 5, писал проповедь или свои заметки, а часов около 7—8 ехал освежиться на воздухе, причем брал всегда с собою меня. Ездили мы обычно на острова, где поутру бывает всегда пусто, уединенно, что при чистом свежем воздухе действительно составляло отдых и отраду пастырю, окруженному в течение целого дня людьми и суетою. Эти часы батюшка употреблял для тайной созерцательной молитвы, и я, зная это, никогда не нарушала ее никакими разговорами, кроме тех случаев, когда он сам заговорит со мною. Однажды ехали мы по Николаевскому мосту, откуда заранее кучеру приказано было повернуть по набережной налево. Когда карета наша поравнялась с часовней на мосту, мимо, вдоль набережной, с левой стороны, везли покойника; дроги с гробом везла одна лошадь, а провожающих было не более 8 или 10 человек, почему каждый из них был ясно видим. Батюшка вдруг изменился в лице: он пристально глядел на погребальное шествие, и так как оно шло по набережной параллельно с нашей каретой с моей (левой) стороны, то ему приходилось наклоняться на мою сторону, причем я не могла не видеть перемены в лице его. Наконец шествие свернуло на 1-ю линию, а батюшка, несколько успокоившись, стал креститься. Потом, обращаясь ко Мне, произнес: «Как страшно умирать пьяницам!» Предположив, что батюшка говорит о покойном потому, что узнал провожающих его гроб, я спросила: «А вы знаете его, батюшка?» Он ответил мне: «Так же, как и ты». Все еще не понимая

ничего, я пояснила ему свое предположение, прибавив, что я никого из провожающих не знаю. «И я тоже, — сказал он, — но вижу бесов, радующихся о гибели души пьяницы».

Не могу умолчать о времени пребывания этого праведника у нас в обители в 1908 году. Это было уже последнее его посещение; он был уже очень слаб, почти ничего не мог кушать, мало разговаривал, все больше читал, уединялся, но служил ежедневно в соборном храме, который он всегда так хвалил и о котором говорил неоднократно, что ему легко в нем служить, о чем я уже упоминала. Пробыл он у нас в обители 9 дней, и в день отъезда спросил меня: «Сколько дней я пробыл у вас, матушка?» Когда я ответила, то он продолжал: «Девятины справил по себе, уже больше не бывать мне у тебя. Спасибо тебе, спасибо за твое усердие, за любовь, за все!» Сестры провожали его, как и обычно, с пением и со слезами, — всем было ясно, что бесценный светильник догорает. Когда мы с ним выехали из обители и, миновав деревню Леушино, свернули налево в поля, батюшка стал все оборачиваться назад и глядел на обитель. Предполагая, что он забыл что-нибудь или хочет сказать едущим позади нас, я спросила его об этом, но он отвечал: «Любуюсь еще раз на твою обитель: тихая, святая обитель! Да хранит ее Господь; поистине, с вами Бог!» Теперь эти чудные, отрадные слова служат нам великим, высоким утешением. С пристани Борки мы поехали на пароходе к Рыбинску и вниз по Волге на далекую Каму, куда приглашали батюшку. С нами было 5 сестер-певчих, которые по распоряжению батюшки отправляли на пароходе богослужения и в течение дня пели ему по его желанию. Это оставалось уже единственным утешением из обычного препровождения времени на пароходе. Накануне того дня, когда мы должны были расстаться с батюшкой, он попросил сестер-певчих пропеть все номера Херувимских песней, которые они знают. Таковых набралось очень много (так как ноты были с собою), и сестры, став подле батюшки, начали петь. Когда дошла очередь до Симоновской Херувимской, батюшка сказал: «Это моя любимая песнь, я сам ее пел еще будучи мальчиком», и попросил ее повторить. Затем попели по назначению же батюшки: «О Тебе радуется» и «Высшую небес». Батюшка во все время пения сидел в кресле у борта парохода, закутанный в теплую рясу, и, сидя, регентовал правой рукой своей и подпевал. Когда пропели «Высшую небес», он заметил: «Это хорошо, но уже новый напев, а я певал иначе», и он своим мелодичным, но уже старческим, дрожащим голосом пропел всю эту песнь до конца, т.е. «во еже спастися нам». Все прослезилось, да и могло ли быть иначе? Пропев, батюшка встал и, обратясь к певчим, произнес: «Ну, дай Бог и нам всем спастися! Спасибо вам, сестры, за ваше прекрасное сладкопение, которым вы и всегда утешали меня». На следующий день мы с батюшкой расстались. Это было 6 июля 1908 года. «>

Заканчивая эти записи бесед моих с незабвенным батюшкой Иоанном, я считаю нелишним прибавить, что цель издания настоящих записей — единственно поделиться с верующими людьми этим духовным сокровищем, так как и они могут почерпнуть из них немало назидательного. Я здесь открывала перед батюшкой свою душу, что не стеснилась передать и читателям; но ведь и они — люди, на земле живущие и тоже обложенные немощами, потому будут снисходительны и к моим недостаткам. Прошу верить всему здесь написанному, принимая во внимание, что у меня не могло быть никаких побуждений говорить неправду на усопшего, уже предстоящего лику Божию. Если бы я написала это при жизни его, то еще можно было бы заподозрить меня как сторонницу и почитательницу батюшки, но и это было бы несообразно с моими воззрениями, ибо я не могу не понимать важности данного вопроса, и в мои преклонные годы это было бы непростительно. Мне уже 70, я готовлюсь последовать за батюшкой в вечность. «>

О, дорогой батюшка! Как много утешал ты меня при жизни, услаждал мне горечь житейного моря! Но и по отшествии твоём немало сладких воспоминаний оставил ты мне. «>

МАЛЫЙ СКИТ ПУСТЫНЬКА, ИЛИ КРЕСТИК,

С ЦЕРКОВЬЮ ВО ИМЯ СВ. АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА ИОАННА БОГОСЛОВА

Название Пустынька, или Крестик, носит небольшой скиток с церковью св. апостола Иоанна Богослова. Второе наименование его Крестик может показаться несоответствующим названию скита, но и самое происхождение его несколько необычно и тесно связано с именем досточтимого пастыря, о. протоиерея Иоанна Кронштадтского, для которого это было излюбленное местечко.

В 1892 году на обратном пути с родины он посетил нашу обитель 15 июня, предполагая погостить в ней несколько дней. Конечно, все пустынное гостеприимство обители было направлено к успокоению высокого гостя, но чем могла она выразить свое радушие? Между прочим, я предложила батюшке покататься по полям и лесам монастырским и благословить их, на что он охотно согласился. В то время обитель еще не имела рессорных экипажей, не держала и кучера, обязанность которого исполняла одна из сестер. Долго ехали мы по лесу и не заметили, как колесная дорога стала сокращаться, сменяясь одной лишь тропинкой для пешеходов. Сестра, правившая лошадь, обратила на это наше внимание, сказав, что ехать дальше опасно — можно заехать в такую чащу, что нельзя будет поворота сделать, что и теперь, для того чтобы повернуть, нам придется сойти с тарантаса и подождать, пока она повернет, выбрав для сего более удобное место.

Мы тотчас же вышли, и батюшка сказал мне: «Поищем пока мы с тобой землянички». На это я ответила: «Какая земляничка, батюшка, в такую пору! У нас она на Петров день редко поспевает, да еще в такой глуши: тут только сосны да мох». Батюшка ничего не ответил, а сам наклонился, как бы ища чего на земле. Через несколько минут монахиня, повернув лошадь, подъехала к этому месту, а батюшка подошел ко мне с букетиком сорванной со стебельками земляники и, подавая его, улыбаясь, сказал: «Вот я и ягодок принес». Я и глазам своим не поверила и, обратясь к монахине, сказала: «Надо заметить это место; неужели здесь так рано поспевает земляника?» Монахиня тоже выразила сомнение. Впрочем, место мы заметили, и я решила, как только приедем в монастырь, послать сюда сестер поискать земляники, что и было исполнено; но, конечно, никакой земляники по раннему времени и по характеру грунта земли не могли здесь найти. Тем не менее, место это стало предметом всеобщего внимания, даже все приходящие считали как бы обязанностью побывать на нем, что и заставило вместо вбитого колышка поставить крест. Отсюда и ведет свое начало наименование этого скита Крестик, так как вошло в употребление говорить: «Были у Крестика, пойдем ко Крестикку». Перед этим Крестиком нередко читались акафисты и каноны, особенно людьми, имевшими какую-либо скорбь, которые потом заявляли, что, помолвившись там, находили облегчение. Никакая непогода, даже в зимнее время, не мешала желающим посещать это место. Это обстоятельство вынудило меня обратиться к бывшему тогда архиепископу Новгородскому Феогносту с просьбою разрешить поставить маленькую часовенку с кельей не для жительства там кого-либо, а часовню — для случайных посетителей, келью же — в качестве места отдыха для меня, утружденной начальственной суетой, где бы я могла предаться молитвенному средоточию и безмолвию среди лесной тишины. В 1893 году, к приезду о. Иоанна, были уже готовы часовня с кельей, куда досточтимый пастырь и уединялся для своих молитвенных подвигов, проводя иногда здесь большую часть дня.

В 1898 году архиепископ Феогност, обзревая Леушинскую обитель, посетил и эту часовенку. Вошед в келью, чуждую всякого даже скромного убранства, он сел в ней на простую деревянную скамью перед таким же некрашеным столом, глубоко вздохнул, и слезы заблестели на его глазах. Затем он произнес: «Матушка, какое у тебя здесь блаженство! Как легко вздохнулось здесь!» На это я отвечала, что и у него есть близ Новгорода мыза архиерейская, в

которой он может уединиться. Но он возразил: «Ах, ты не знаешь: я — на дачу, а дела вперед уж меня туда прибежали». Посидев несколько, он вдруг стал планировать: «Вот бы эти два окна превратить в арку да пристроить маленький алтарь — вот бы и церковка была, блаженство какое!» Не веря своим ушам от радости, ибо это было и моей заветной мечтой, я ответила ему: «Владыка святой! Уж очень бы это было хорошо! Да я не смела и просить об этом, ведь для церкви надобен священник. Штатному здесь нельзя быть, а заштатного старца вот и для скита с трудом подыскиваем». На это владыка сказал: «Зачем, зачем отдельного священника? Ведь в праздник ты всегда должна быть в монастырском храме с сестрами, а в будень, когда вздумаешь, может отслужить здесь и свободный священник из двух ваших. Если хочешь, подай прошение — я разрешу; начерти хоть сама маленький планчик этой часовни и как предполагаешь пристроить к ней алтарь. Я сам вижу все на месте и на этом основании могу разрешить». Я не знала, как и благодарить владыку, и поспешила исполнить предложенное. Это было в мае месяце. Когда в июле того же года, По обычаю, приехал о. Иоанн, я передала ему о результате посещения архиепископом Феогностом Пустыньки. Отец Иоанн перекрестился и несколько раз повторил: «Слава Тебе, Господи!» Когда я спросила у него, почему он ранее никогда не выражал своего желания, чтобы здесь была церковь, он ответил: «Я по- ложился на Господа, да будет воля Его, а не моя; и вот Он Сам благоволит осуществить Свою святую волю».

Вот как возникла Пустынька с храмом во имя св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова!

В том же году стали запасать лес и весь нужный материал для пристройки и других приспособлений, необходимых для церкви. Так как дело было несложное, пристройка небольшая, то к следующему июлю месяцу, ко времени прибытия о. Иоанна, храм был уже готов и с благословения архиепископа освящен о. Иоанном во имя св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Одна близкая моя знакомая, институтская подруга Елизавета Пасмурова поусердствовала сделать мраморный престол; она же, равно и другие знакомые и благодетели, доставили для храма всю нужную утварь, так что ничем не пришлось обременять монастырь, равно как и на все расходы по пристройке не пришлось тратить монастырские средства, так как петербургская купчиха У. Сорокина пожертвовала на это 500 рублей.

По сие время Пустынька эта составляет излюбленное местечко всей обители и ее богомольцев, а теперь, со времени кончины о. Иоанна, она делается еще дороже и приятнее для всех ценивших этого великого и незабвенного пастыря. Церковь в ней маленькая, смежная с такой же небольшой комнатой, где стоят богомольцы в зимнее время; а летом они размещаются вокруг нее на открытом воздухе, где при открытых окнах прекрасно слышно все богослужение. Колокольни нет, да не имеется и колоколов, кроме одного 6-фунтового, за неимением средств.

Находится Пустынька с южной стороны от монастыря, на расстоянии около одной версты. Туда теперь проложена прекрасная дорога.